

древней Руси, например, тканей «скурлат», «камка» с производными от них словами, что дало бы представление о древнерусской одежде. Не имея пояснений к словам «гудок» и «погудальце», читатель будет представлять себе скоморохов и Вавилу в былине М. Д. Кривополеновой с духовым инструментом — гудком (дудкой), тогда как в тексте речь идет о смычковом инструменте вроде скрипки, очевидно, того типа, который изображен на фресках Софийского собора в Киеве. Не зная, что «погудальце» — смычок, непонятым останется, почему скоморохи превратили в него именно «поногальце» — кнут, близкий к нему по форме (наряду с другими «чудесами», в чем, возможно, отразилось воспоминание о показывании фокусов, что могло входить в программу представлений скоморохов древней Руси). Современное значение слова «ярлык» — наклейка с надписью: поэтому у читателя может получиться неправильное понятие о былинном «ярлыке» — официальном послании, содержащем распоряжение, требование и т. п., синонимом которого в былинах является «грамота скорописчатая». Об определении слов «гридница» и «палица», недостаточно отражающем историческое своеобразие этих терминов, мне приходилось уже писать по поводу других сборников эпоса¹. В словаре тур неверно отождествлен с зубром: «Тур — дикий бык (зубр)» (стр. 323). Это смещение известно уже в литературе XVII в., когда туры почти вымерли.

В перечне «Главнейших сборников былин», в отличие от предыдущего издания, добавлены сборники из двух важных локальных очагов эпоса — Дона (А. М. Листопадов, «Донские былины», Ростов-на-Дону, 1945) и Сибири («Былины и исторические песни из южной Сибири», под редакцией М. К. Азадов-кого, Новосибирск, 1939; непонятно, однако, почему составитель не упомянул более позднего издания, в которое были внесены исправления по подлинным полевым записям из собрания С. И. Гуляева «Былины и песни южной Сибири», под редакцией В. И. Чичерова, Новосибирск, 1952).

Вообще было бы желательно выработать единообразие в составлении примечаний, словарей и указателей в сборниках фольклора. Обсуждение принципов издания научных и научно-популярных сборников значительно облегчило бы работу в этой области.

Отдельные указанные недочеты не снижают значения издания таких, составленных со знанием дела, сборников по русскому народному творчеству. Хотелось бы видеть в серийном издании «Библиотека поэта» сборники и других жанров фольклора, не нашедших еще себе здесь места.

Р. Лунец

Українські народні думи та історичні пісні, Видавництво Академії наук Української РСР, Київ, 1955.

Вопросам собирания, изучения и публикации народнопоэтического творчества на Украине уделяется большое внимание. Достаточно сказать, что за послевоенные годы одним только Институтом искусствоведения, фольклора и этнографии АН УССР было подготовлено к печати и издано 5 сборников: «Українська народна поезія про Велику Вітчизняну війну» (1953 г.), «Радянські народні частушки і коломийки» (1953 г.), «Українські народні прислів'я та приказки» (1955 г.), «Українські народні думи та історичні пісні» (1955 г.), «Народні співці Радянської України» (1955 г.). Из числа названных публикаций наибольшего внимания заслуживает сборник «Українські народні думи та історичні пісні» (составители П. Д. Павлій, М. С. Родина, М. П. Стельмах, вступительная статья и примечания П. Д. Павлія, под ред. М. Т. Рильского и К. Г. Гуслистого).

В большой статье (объемом более 3 п. л.) «Героїчна поезія українського народу» П. Д. Павлій обстоятельно охарактеризовал историю собирания и изучения украинских дум и исторических песен. Давая критико-библиографическую оценку дореволюционных изданий, посвященных украинской народной поэзии, П. Д. Павлій отметил их достоинства и недостатки. Последние обуславливались конкретно-историческими условиями и пагубным влиянием буржуазно-националистической идеологии некоторых дореволюционных исследователей и собирателей украинской народной поэзии. Что касается изданий по народному творчеству, осуществленных в послереволюционный период, то они, к сожалению, в статье охарактеризованы не полно. Автор ограничивается лишь беглым перечислением исследований и сборников украинской народной поэзии, не вникая в их сущность и не подвергая критике и анализу. Это, конечно, умаляет значение историографической части статьи.

П. Д. Павлій отметил большое значение для собирания и издания украинской народной поэзии деятелей русской науки и культуры (позов-декабристов, Белинского, Чернышевского, Добролюбова, Гоголя, Короленко, Жемчужникова и др.), украинских поэтов, писателей и композиторов (Шевченко, Франко, Леси Украинки, Манжуры, Лысенко и др.).

Последующая часть работы П. Д. Павлія посвящена раскрытию идейно-тематических и художественных особенностей дум и исторических песен. Он говорит о демократической направленности этих произведений, об их связи с поэтическим творчеством русского народа, об идеях свободолюбия, патриотизма и дружбы народов, во-

¹ См. «Советская этнография», 1952, № 2 и 1954, № 4.

площенных в украинской народной эпической поэзии, отмечает художественное своеобразие народных дум и исторических песен.

Сборник состоит из двух частей: «Дооктябрьские думы и исторические песни» и «Советские думы и исторические песни». Каждая часть, в свою очередь, разбита на историко-тематические разделы. Подобное распределение материала дает возможность проследить, как украинский народ откликнулся в своей поэзии на то или иное историческое событие, как крепили узы дружбы с великим русским народом, как росло классовое сознание трудящихся. Украинские крестьяне и рабочие вели непримиримую борьбу с иноземными захватчиками и внутренними врагами — помещиками и капиталистами. Борьба закончилась победой трудящихся и установлением на Украине советской власти, которую народ прославил в своих думах и песнях. Материал подобран и распределен по разделам в основном удачно. Правда, историко-тематический принцип не всегда выдержан. Так, песня «Ой, прослалась доріженька» (стр. 541), воспевающая воссоединение всех украинских земель в единой Украинской социалистической державе, должна была бы быть помещена в разделе «Освобождение западно-украинских земель и воссоединение их с Советской Украиной».

В сборнике встречаются отдельные случаи публикации не лучших из известных вариантов произведений. Так, на стр. 16 помещена песня «В Цариграді на риночку» (Пісня про Байду), в которой поется о глубоком патриотизме и мужестве героя песни, проявленных в борьбе с турецким султаном. В приведенном в сборнике варианте Байда, подвешенный по приказу турецкого царя за ребро крюком за то, что он отказался принять «прокляту віру», жениться на его дочери и идти царствовать, — просит лук у своего джуры (слуги), из которого стреляет в царя, царицу и царевну. Кончается песня обращением Байды к царю, в котором он говорит, как его надо было покарать. Сам по себе этот вариант неплохой. Однако широко известен (в частности, в Кировоградской области) вариант, по которому Байда обманывает турецкого царя, прося у него разрешения взять лук якобы для того, чтобы убить ему на ужин голубя. Получив разрешение, Байда стреляет в царя, царицу и царскую дочь. Кончается песня жизнеутверждающим мотивом. С большим подъемом Байда говорит, обращаясь к султану:

Тобі, царю, в сирій землі гнити,
а мені, Байді, Байді молодому,
мед-горілку пити.

Думается, что лучше было бы поместить в сборнике данный вариант песни.

Большое значение для науки о народнопоэтическом творчестве имеет проблема индивидуального и коллективного творчества народа. Особенно важно выявление значения поэтически одаренной личности в процессе коллективного творчества. Однако это отнюдь не значит, что под рубрикой народного творчества должны печататься произведения самостоятельных авторов лишь на том только основании, что их имена мало известны или совсем не известны широкому читателю, а форма их произведений будто бы продолжает традиции народной поэзии. Такой подход к отбору материала для публикации чисто формален. Разве не по формальным соображениям в собрании народной поэзии помещены произведения Ефросиньи Карпенко, выпустившей сборник «Розцвітає Україна», Прасковьи Амбросий, дважды опубликовавшей свой сборник «Буковинські співанки», и не включены, скажем, произведения М. Стельмаха, Платона Воронько и других советских поэтов, продолжающих традицию народной песенной поэзии? А ведь многие песни советских украинских писателей получили широкое распространение в народе, чего нельзя сказать о произведениях названных поэтов, так как часть из них вообще не является песнями (например, стихотворения «Розцвітає Україна» Ефросиньи Карпенко, «Розцвітає Буковина» Прасковьи Амбросий и др.) и перепечатана в сборник «Українські народні думи та історичні пісні» непосредственно из авторских сборников.

Подобное положение до недавнего времени имело место при публикации и изучении и народнопоэтического творчества русского народа, когда в разряд народных включались, например, в большинстве случаев слабые частушки Анисимовой, кандидата в члены ССП, автора ряда сборников, и других подобных поэтов и поэтесс и не включались песни М. Исаковского, получившие всенародное признание и распространение. Подобная практика справедливо вызвала критические замечания на страницах печати.

Сказанное отнюдь не означает, что произведения самостоятельных авторов и колхозных поэтов не нужно собирать и публиковать. Мы, например, всячески приветствуем выход в свет сборника «Народні співі Радянської України» (под редакцией М. Ф. Рыльского и В. С. Бобковой, Киев, 1955), куда включены лучшие произведения тридцати самостоятельных поэтов и кобзарей Советской Украины. Однако под рубрикой коллективного народного творчества поэтические произведения персональных авторов издавать не следует.

Значительное место в сборнике «Українські народні думи та історичні пісні» занимают думы с советской тематикой. Вопрос о новых думах представляется сложным и требующим детального рассмотрения.

Традиционные русские былины и украинские думы поражают величием воплощенных в них идей, разнообразием тематики, совершенством художественной формы.

Они доставляют эстетическое наслаждение благодаря единству формы и содержания, без которого искусство перестает быть искусством. Достаточно же в поэтической форму, закономерную для XVI—XVII вв., вложить новое, советское содержание, как их несоответствие неизбежно обнаружится и такие «произведения» перестанут оказывать эстетическое и идейное воздействие. Народ их не слушает и не читает. Хорошо известно, что «новины» М. Крюковой, советские былины Рябинина-Андреева и др. никто не читал, кроме фольклористов и студентов филологических факультетов, обязанных к тому учебной программой. В печати уже было отмечено, что ложное направление в творчестве некоторых талантливых людей в значительной степени было вызвано тем, что их сбивали на неверный путь стилизаторства отдельные фольклористы (особенно в годы Великой Отечественной войны и после нее).

Если для русской народной поэзии вопрос о новом былинном творчестве решен отрицательно, благодаря чему должно прекратиться искусственное насаждение отживших поэтических форм народной поэзии, то, судя по вышедшим за последнее время на Украине сборникам, для украинского народнопоэтического творчества он еще не решен, хотя и ставился в печати. В своей статье «Процесс переосмысления эпической традиции в думах о Великой Отечественной войне», опубликованной в 1947 г., А. М. Кинько писал: «В подавляющее большинство дум о Великой Отечественной войне, в отличие от лирических песен, очень мало внесено изменений в запас традиционных представлений, в них слабо раскрыто передовое мировоззрение советского народа. С другой стороны, проявилась тенденция (а не потребность) к возобновлению старых форм даже в ущерб новому содержанию... реставрация несоответствующих элементов старых традиционных форм вопреки новому содержанию, новым условиям бытования»¹.

Однако много дум с советской тематикой, несмотря на их слабость, нашло место и в сборниках «Українська народна поезія про Велику Вітчизняну війну» и «Українські народні думи та історичні пісні». В статьях, предпосланных сборникам, говорится о живучести этого жанра народной поэзии, о том, что он только несколько изменяется, утрачивая отдельные черты традиционных дум. «Дума про Олега Кошового», — читаем во вступительной статье к первому сборнику, — сложенная кобзарем Перепелюком, — имеет в себе много элементов старых дум; использованы они с тактом и вкусом, а поэтому данное произведение является интересным и хорошим образцом современной думы, следовательно и одним из свидетельств, что дума как жанр не умерла. (стр. 11—12).

Конечно, новые думы нельзя сравнить ни с новыми былинами, ни с «новинами», ни со сказами, которые создавались искусственно по указке отдельных фольклористов, — для этих дум, как правило, чужды нарочитая архаизация языка, стиля, употребление отживших компонентов поэтики традиционных дум. Советские думы, как правило, написаны тем языком, на котором в настоящее время говорит и творит свое богатое поэтическое искусство украинский народ, в них вводятся элементы песенной поэтики, богатой и красочной. И тем не менее большинство новых дум является продуктом не оригинального творчества, а стилизации. Особенно отчетливо стилизация видна в «Думі про Олега Кошового», которая, на наш взгляд, является худшей из дум в сборнике «Українські народні думи та історичні пісні».

Произведения искусства воздействуют на людей силой поэтических образов и художественно обобщенных явлений действительности. Фактографизм и описательство чужды подлинным произведениям искусства. Произведение искусства не фиксирует с научной точностью все известные в истории факты, а отбирает отдельные, наиболее типичные, помогающие с убедительной силой раскрыть явление или характер героя. Большую роль в создании художественных образов играет творческий вымысел автора. Однако в названной думе, как и в некоторых других, отсутствует художественное обобщение действительности, нет поэтических образов. В ней художественность изображения подменена голым перечнем совершенных героями подвигов (обязательно всех). При этом до некоторой степени искажается облик молодых советских патриотов, тесно связанных с коллективом и вместе с ним ведущих борьбу с врагом. В «Думі про Олега Кошового» герой выступает эдаким «лыцарем»² XVI в., кидающим «клич на всю Донеччину», на который отозвалось, по думе, всего четыре человека. В дальнейшем оказывается, что все известные подвиги совершил один Кошевой, героический коллектив молодогвардейцев в думе не показан. Сильный и коварный враг изображен в думе неверно: фашистские захватчики убегают от одних слов Кошевого, заявившего, что кто посмеет его убить, неминуемо погибнет сам:

Тоді ж то ті кати фашизнянські,
Людоїди поганські,
Як тее зачували,
То в собі великий страх мали,
Світ за очі тікали,
Хлопця молодого

¹ «Мистецтво, фольклор, етнографія», Київ, 1947, стр. 129.

² В традиционных думах так называются казаки.

Олега Кошового,
Напривольяще покидали. Гей, гей, гей!

В «Думу про Олега Кошового» механически переносятся не только элементы поэтики дум и стилистические обороты, но и целые отрывки дум и песен:

Тоді ж то хлопець молодий
Олег Кошовий
Як тее зачував,
То в собі добрую думку мав,
Своїх соколят собирав...

Или

Гей, Кошовий, гей, Кошовий,
Геройський ти козаچه,
За тобою, Олегію,
Вся Україна тужить та плаче. Гей, гей, гей!

Данное четверостишие механически перенесено из песни «Ой, ти, Морозенку», которая начинается словами:

Ой, ти, Морозенку,
Ой, ти преславный козаچه,
За тобою, Морозенку,
Вся Україна плаче (стр. 134).

О каком творческом использовании и развитии поэтики дум можно здесь говорить? Ясно: то, что у писателя осуждается как плагиат, у писателя, играющего на кобзе (а В. Перепелюк является именно писателем), поднимается на щит.

Сказанное отнюдь не значит, что в украинской критике не было указано на слабость «Думи про Олега Кошового» (см. цитированную статью А. М. Кинько). Однако резкая критика данной думы, подкрепленная анализом, не помешала затем трижды опубликовать ее среди лучших произведений украинской народной поэзии. Между тем сам автор думы В. Перепелюк не считает ее своей удачей. В личной беседе недостатки думы он объяснил спешностью работы, а механическое использование формы традиционных дум — тем, что так нравится фольклористам.

Подобные «произведения», лишенные признаков художественности, не могут оказывать того идейного и эстетического воздействия на слушателей или читателей, которое призваны оказывать произведения искусства. И сами кобзари чувствуют, что новые думы хуже воспринимаются слушателями, чем старые (об этом говорил нам В. Перепелюк). Впрочем, не нужно делать вывод, что кобзарям вообще не следует прибегать к поэтике традиционных дум. Думается, что ее использование может быть плодотворным при изображении давно прошедших событий, когда эпическая замедленность, поэтический язык и стиль способствуют передаче колорита изображаемых событий и эпохи (например, дума о 300-летиі воссоединения Украины с Россией).

Только высококачественные, наиболее совершенные в художественном отношении, богатые по языку произведения должны находить место на страницах научно-популярных и популярных сборников, так как они, охватывая наиболее широкие круги читателей, оказывают идейно-политическое и эстетическое воздействие на советских людей, способствуют развитию образности народного языка и служат образцом при создании новых произведений народной поэзии. Необходимо очень строго подходить к отбору новых дум для печати, пропагандируя только высокопоэтические произведения, развивающие народное искусство, а не стилизации под старинные думы, поэтика и образная система которых были созданы несколько столетий назад и обусловлены как характером изображаемых событий, так и уровнем развития культуры народа и его эстетическими вкусами в ту эпоху.

Представляет интерес также понимание составителями сборника жанра исторической песни.

В фольклористике утвердилось определение исторических песен как особого жанра народнопоэтического творчества, в значительной степени выросшего на основе эпической традиции и имеющего свои художественные особенности. И хотя указывалось на то, что историческая песня не являлась неизменной, что в годы советской власти она приобрела новые черты (см., например, «Русский фольклор» Ю. М. Соколова), однако рассмотрение произведений данного жанра народной поэзии, как правило, заканчивалось материалами, в которых наиболее отчетливо проявлялись жанровые признаки исторических песен.

Составители сборника не ограничили себя песнями, возникшими на основе поэтической традиции эпического народного творчества, поместив в сборнике песни различных жанров, отразившие конкретно-исторические события или характеризующие переживания народа в определенный исторический период. Это стремление составителей раздвинуть рамки исторических песен похвально, но теоретически не обосновано. Материал сборника показывает, что в этом вопросе еще много нерешенного в отношении определения жанра исторических песен в прошлом и настоящем.

Нечеткость определения жанра исторических песен, характерная для вступительной статьи, сказалась и на отборе материала. Так, в сборнике «Українські народні думи та історичні пісні» в состав исторических песен включены рекрутские песни, «Дубинушка», революционные песни («Смело, товарищи, в ногу» и др.), многие песни периода Великой Отечественной войны. Все ли из перечисленных песен являются историческими? Что вообще понимают составители под жанром исторических песен? И по каким поэтическим и тематическим признакам указанные песни отнесены к историческим?

Возможно, что составители, расширяя понятие исторических песен, в каком-то отношении правы. Может быть, действительно следует задуматься над расширением состава этого жанра и периодизацией исторических песен по различным историческим периодам, включая и современность? Но все это необходимо глубоко продумать и теоретически обосновать, внести дополнения в определение жанра исторических песен и т. п. В данном же случае без всяких убедительных оснований к историческим песням причислены такие, отнесение которых к историческому жанру является спорным.

Сборник сопровождается обширными примечаниями (57 страниц убогистого текста), составленными П. Д. Павлием. В них даются краткие характеристики исторических лиц, упоминаемых в думах и исторических песнях, объяснения многих малоизвестных событий и терминов. Однако и они не лишены некоторых недостатков. Иногда объясняются общеизвестные или понятные из текста положения (вроде того, что в песне нашло отражение недовольство крестьян помещиками) и не объясняются неизвестные (например, некоторые из многочисленных податей и налогов, которые платили крестьяне западноукраинских земель в панской Польше). Нуждаются в объяснении и некоторые грамматические формы и стилистические обороты речи. Неполны и не всегда убедительны объяснения названий городов, встречаемых в думах. Так, о городе Козлове (дума «Самійло Кішка») в примечаниях говорится, что это — древнее название города Евпатории, в котором в XVI—XVII вв. был большой невольничий рынок (стр. 576). Вместе с тем известно (см. БСЭ и «Энциклопедический словарь» Брокгауза и Ефрона), что в указанный период на месте Евпатории был город Гёзлев, переименованный в Евпаторию в 1783 г. Название же «Козлов» является народной украинской огласовкой «Гёзлев». В песне «Жив дома — добра не знав» встречается название «Ковбань»:

Жив дома — добра не знав,
Пішов за Ковбаню,
З-за Ковбані до Ростова.

П. Д. Павлий говорит по этому поводу: «Ковбань — наверно, Нахичевань, старое название города Ростова-на-Дону; сейчас Нахичевань — один из районов этого города» (стр. 601). Объяснение это не убедительно, так как наряду с Ковбанью в песне назван и Ростов. Возможно, что Ковбань — Кубань, откуда герой песни пришел в Ростов, или название какого-либо другого места на пути к Ростову, но не сам Ростов.

В некоторых случаях вызывает сомнение датировка произведений. Так, возникновение песни «Є хороші пісні у мойй стороні» П. Д. Павлий относит к периоду подготовки Великой Октябрьской социалистической революции на том основании, что в ней имеется строка «Ленін дав заповіт перестроїти світ», которую составитель связывает с Апрельскими тезисами В. И. Ленина. Однако ленинское учение о перестройке старого мира проникло в народ задолго до апреля 1917 г. и могло войти в песню значительно раньше.

Встречаются в примечаниях и неточности, объясняемые недостаточно внимательной подготовкой рукописи к печати. Так, песня «Є хороші пісні у мойй стороні» в одних и тех же примечаниях называется то народной переделкой известной русской песни «Дубинушка», каковой она и является, то самостоятельным революционным произведением. На стр. 628 говорится о Стокгольмском воззвании Всемирного Совета Мира, хотя в действительности Стокгольмское воззвание было воззванием Постоянного Комитета Всемирного конгресса сторонников мира. На стр. 596 в примечаниях к песне «Ой, виїхав із Гуманя козаченько Швачка» дается справка о Бондаренко, которая должна бы находиться в примечаниях к следующей песне, в которой его имя упоминается.

Книга «Українські народні думи та історичні пісні», являясь результатом большого труда коллектива сотрудников Института искусствоведения, фольклора и этнографии АН УССР, представляет значительный интерес. Тем более необходимо при переиздании сборника подумать об устранении имеющихся в ней недостатков.

Б. П. Кирдан

Кавказский этнографический сборник, I, Труды Института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая, Новая серия, т. XXVI, М., 1955.

Этнография народов Кавказа с давних времен была предметом внимательного изучения со стороны многочисленных русских исследователей. Большая работа в области кавказоведения проделана советскими этнографами старшего и младшего поколений. Однако, несмотря на обилие литературы, в кавказской этнографии есть еще